

Свадьба

Было это зимой, в декабре, когда темно и морозно целый день. В ближайшую субботу нас с К. И. Ивановым пригласили на свадьбу в село Вельское. Как он говаривал: «Наше село-то, монастырское». И правду сказать, из этого села у нас постоянно работало от пяти до десяти человек, в основном женщины — кто смотрительницей, кто уборщицей.

А приглашены мы были на свадьбу к нашей комендантше музейной — Маше Ш., ещё молодой, сильной характером женщине. Жених был свой, из родного села, недавно вернулся, отслужив в армии.

...В довольно просторной передней комнате были составлены буквой П три стола. Столы так и светились. Они были свежeweмыты, и грязь с них отдраена косарями, теми, что лучину колют, — сей приём в крестьянском быту существовал издревле.

Мы с Константином Ивановичем сидели за центральным столом, который был поставлен под передние окна. Гулявших на свадьбе было не так уж и много — человек 20—25. Правда, по крестьянскому обычаю, приходили и «поздравлялы», которым от имени молодых подносили стакан крепчайшего самогона. Но «поздравлялы», как правило, были те сельчане, к которым хозяева хорошо относились. Вьющиеся около избы «халявчики» получали большей частью от ворот поворот.

На всех трёх столах мутно светились огромные графины, наполненные самогомом. В ту пору (а было это в начале 60-х) все крестьянские свадьбы были заварены на нём. Где же было брать деньги на водку? Пенсии крестьяне тогда не получали, зарплату тоже. Деньги бывали от продажи натуральных продуктов и шли на самое необходимое: одежду, налоги и так далее.

Нам с Константином Ивановичем как почётным гостям поставили бутылку «Столичной». Закуски на столах было в изобилии: мясо, рыба и всевозможные разносолы.

После поздравлений молодых и многочисленных выкриков «Горько!» гуляющие уже были в довольно весёлом расположении духа. В углу гармонист В. Бадаев растягивал меха своей «Тулки».

Питие было в самом разгаре. Каждый сосед с соседом были уже верными друзьями, клялись в этом друг другу до гроба, а некоторые из гулявших, сидевшие по соседству, начинали выяснять отношения, вспоминать прошлые обиды. Звук их голосов поднимался над головами всё выше и выше.

«Знаешь что, Володя, сейчас начнутся танцы, а после, поверь моему опыту, драка. Пойдём-ка мы с тобой на русскую печь, она большая, места обоим хватит, а с неё нам всё будет видно, как на ладони». Я послушался своего наставника, так как сам опыта участия в крестьянских свадьбах ещё не имел, нраву их крутого не знал. Мы поднялись на печь. Она действительно была большая и широкая. Здесь нас ждали бутылка «Московской» и закуска.

Только мы выпили по лафетничку,¹ как внизу, в комнате, начали убирать снесь со столов, а потом их сдвинули к стенам. Заиграла гармошка на одной ноте: «Сенька дома, Ваньки нет...» И что тут началось! Русская хмельная удаль разбушевалась вовсю. Мужики и бабы со свистом и визгом вошли в круг, и начался невообразимый шум и топот. Изба ходила ходуном. Похабные частушки и припевки лились рекой.

*Панфилов, В. И. Свадьба / В. И. Панфилов // *Коммунар*. — 1997. — 23 декабря. — С. 8.

¹Лафетник — гранёная рюмка или гранёный стакан. — *Ред.*

Поплясали, попели свадебные гости — и снова за стол. Слово взял товарищ самогон! Взбодрившись, начали танцевать современные танцы, в основном вальс и танго. Веселье разыгралось вовсю. И тут гармонист Бадаев возьми да и приревнуй свою законную жену Фросю. Не стерпел да и нанёс «обидчику» удар по голове своей любимой гармошкой. «Обидчик», недолго думая, наносит удар левой в ухо нашему обиженному тапёру.

Минут через 5—7 дрались между собой все мужики, доставалось и разнимающим их бабам. Я хотел вмешаться в драку, в смысле — разнимать драчунов, на что Константин Иванович сказал: «Володя, здесь и без тебя разберутся, не поймут твоих намерений и надают тебе же по шапке». Делать было нечего — я его послушался.

Драка к тому времени и в самом деле стала стихать. И тут я заснул мёртвым сном.

Проснулся я от яркого, ослепительно яркого света. Он шёл от лампочки, висящей почти над головой. Хорошо помню: вечером она была слепа. Снизу, из передней комнаты, слышен был мирный, монотонный говор многих людей. Я отодвинул ситцевую шторку, прикрывавшую верх печи, и передо мной предстала такая сцена: свадебные гости, невзирая на ранний час (а было пять минут шестого), усердно опохмелялись.

Вот в обнимку сидят вчерашние «бойцы» — гармонист Бадаев с завязанным левым ухом и его «обидчик» с перевязанной головой. Кое-кто из мужиков жмурит подбитый глаз, кто шмыгает расквашенным носом, другие сидят с различными признаками вчерашнего «боя».

Есть доброе семя в русском похмелье. Зачастую бывает так: вчерашняя пьянка разъединяет, а сегодняшнее похмелье мирит, предавая забвению былые ссоры. А может, это и есть одна из черт загадочной русской души?..

Мне похмеляться было не надо. Голова, хотя я спал немного, была свежа. Тогда я выпивал мало, и не знал, что такое похмелье. Какое счастливое было время!

Я слез с печи. В кухне чаёвничали три женщины. Я поздоровался и попросил чашку чая. Напившись, потихоньку оделся и вышел из избы вон, оставив К. И. с гармоникой в руках во главе пирующего стола.

На улице, вдохнув полной грудью морозного, свежего воздуха, я вовсе освежел, и зашагал по выпавшему ночью чистому, белому снегу домой, в Переславль.